

Борис Акимов Олег Степанов

Как нам обустроить страну за 40 лет

Олег В. Степанов
Борис А. Акимов
Россия 2062. Как нам
обустроить страну за 40 лет
Серия «Русское пространство»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949117

*Б. А. Акимов. О. В. Степанов. Россия 2062. Как нам обустроить
страну за 40 лет: АНО Центр «Никея»; Москва; 2022
ISBN 978-5-907628-96-0*

Аннотация

Герои этой книги уже сегодня живут в будущем – в России, какой она должна стать через 40 лет (к своему 1200-летнему юбилею). Деятельные творческие счастливые люди – они обустраивают свою личную маленькую Россию. О себе рассказывают предприниматели, фермеры, ремесленники, учителя, фольклористы, искусствоведы, режиссеры, кулинары, возрождающие русскую кухню, иностранцы, переселившиеся в нашу глубинку. Герои «России 2062» – это все, кто взял на себя ответственность за мир вокруг. Вместе с ними авторы книги пишут манифест России будущего, России мечты, России 2062 года.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Что такое «Россия 2062»? Вместо предисловия	6
Введение. Россия 2062 – практическая утопия	8
Глава 1. Культура будущего: преодоление расчеловечивания и сотворчество как основное свойство человека	14
Арсений Симатов	19
Эдуард Бояков	37
Вихрь истории, или Как рождается возможность конструировать будущее	53
Глава 2. Экономика заботы. Попечители вместо инвесторов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Борис Акимов,
Олег Степанов**

**Россия 2062. Как нам
обустроить страну за 40 лет**

© ООО ТД «Никея», 2022

© АНО Центр «Никея», 2022

© Акимов Б. А., Степанов О. В., 2022

* * *

Что такое «Россия 2062»?

Вместо предисловия

Мы уверены, что будущее видят не футурологи, рассуждающие о роботах и беспилотниках, а те, кто здесь и сейчас, пусть пока и не очень заметно для окружающих, создают страну будущего.

История учит нас (но мы плохо учимся), что в конце концов всегда побеждают идеи, которые рождаются на границах принятого общественного дискурса, идеи-мутанты. Так всегда было. И современный капитализм, и социализм, и другие сильные теории возникали на окраинах актуального гуманитарного мейнстрима своего времени.

2062 год – это символическая дата. Считается, что в 862 году Рюрика позвали княжить на русскую землю. В далеком – но не слишком – 2062 году будет отмечаться 1200 лет создания русского государства. Как мы встретим эту знаменательную дату? Что нужно успеть сделать за ближайшие сорок лет, а может быть, гораздо быстрее?

Люди, бывает, мечтают о своем юбилее, а мы вот решили задуматься сразу обо всей стране – какой хотелось бы видеть ее через сорок лет? И отправились в путешествие по России нынешней, чтобы познакомить вас с удивительными людьми, которые своей работой и самой жизнью показывают,

как могла бы жить Россия. Страна, которая предложит своим жителям, да и жителям всего мира, особый новый путь. Путь гармонии и заботы.

Вместе с нашими героями мы пишем манифест России будущего, России мечты, России 2062 года. И каждая новая глава этой книги – новый тезис манифеста. Просто, не без самоиронии мы постараемся говорить на очень серьезную тему: как нам обустроить Россию.

Введение. Россия 2062

– практическая утопия

Однажды автор этой книги Борис Акимов написал открытое письмо другому автору этой книги, Олегу Степанову, и другим людям доброй воли.

Дорогой Олег и прочие сограждане России будущего!

В последнее время мы с тобой, дорогой Олег, очень много и часто говорим о будущем. Но не о банальной футурологии (повсеместная онлайн- и удаленная работа, телемедицина, исчезновение национальных государств и проч., к чему в сегодняшнем мире имеются очевидные предпосылки), а о том русском будущем, которое мы хотим видеть для себя, своих близких, для всех жителей России. Да что мелочиться – для всего мира. О том, что правильного, хорошего, славного хотелось бы увидеть в этом самом будущем.

Мы любим сидеть на кухне, выпивать и спорить, как полагается русскому человеку. А тема про желанное русское будущее идеальна для застольных бесед. Поэтому мы делаем это с большим удовольствием. Но ведь просто выпивать под разговоры скучно – и мы действуем. Собрали и продолжаем собирать вокруг себя людей, которые уже сейчас в своей практической жизнедеятельности показывают, что такое та

самая Россия будущего, желанная и любимая.

Мы хотим жить в России, чье население не сконцентрировано в мегаполисах, а равномерно распределено по большой территории.

Сейчас в нашем сообществе «Счастливые» в Ярославской области несколько сот человек. И процентов восемьдесят из них – переселенцы из Москвы и других больших городов. Вокруг меня, в моей деревенской глуши, жизнь бьет ключом. Стороженко печатают пряники, Морев возрождает крокет, Вавиловы открыли бухгалтерскую компанию, Ларин конструирует сложные модели заводов. Эти люди сбежали из города и с удовольствием и драйвом реализуют себя на заброшенной еще недавно земле.

Мы хотим жить в России, привлекательной не только для своих жителей, но и для всего мира. В ближайшее время из США в Ярославскую область должны переехать 70 американцев. Наташа и Стивен Уильямс уже переехали из Англии и удивили всех цветочной фермой, а Джозеф Глисон – из США и стал православным священником. Жиль Вольтер из Франции открыл кондитерскую, еще один француз, Фредерик, – кондитерский цех. Немки Ани и Гудрун запустили экокемпинг, швейцарец Бенджамин превратился в пасечника Вениамина. И таких примеров только в одном отдельно взятом Переславском районе – не один десяток.

Мы хотим жить в России, в которой были бы такие школы, что дети, проснувшись утром, счастливые бежали бы учиться.

ся. А учителя передавали бы им самое главное в учебе – счастье от активного творческого познания мира. Чтобы дети чувствовали себя как когда-то первооткрыватели и просто не могли не познавать мир вокруг. Наташа Водополова совсем недавно уехала из Москвы и вместе с активными участниками нашего деревенского сообщества открыла школу мечты. Школу будущего. Это уже реальность.

Мы хотим жить в России, где многодетность будет нормой. Но не потому, что дети нужны для помощи по хозяйству – как в симпатичные, но навсегда ушедшие времена. И не потому, что к многодетности нас призывают государственные программы финансового поощрения – хотя, конечно, куда без них. Мы хотим, чтобы рождение и воспитание детей было вершиной союза мужчины и женщины, высшим проявлением любви и творчества двух человек. Без этого технологии уведут деторождение из семьи в лаборатории и институт семьи исчезнет за ненадобностью. Александр и Мария Поповы переехали в деревню под Угличем, расставшись с биофаком МГУ, и уже произвели на свет девятерых детей, потому что видят в семье, рождении и воспитании великую возможность для проявления совместного человеческого творческого начала.

Мы хотим жить в России, где экономика бесконечного потребления, лишаящая человека национальной, культурной и даже половой идентичности, оставляя единственную – «потребитель», сменится экономикой заботы, и экономи-

ческая эффективность будет измеряться не ростом ВВП, а тем, сколько гармонии привнесено в мир. Нужно перестать гнаться за бесконечным ростом, направить усилия на социальную, культурную и экологическую гармонизацию страны и планеты. И есть такой пример в масштабе Киржача: бизнесмен Евгений Федоров единолично преобразует свой родной город, вкладывая в него прибыли собственного местного предприятия.

Мы хотим жить в России, где местные сообщества, состоящие из творческих и предприимчивых людей, будут брать на себя ответственность за землю. Тогда забудут о патернализме, и каждый начнет менять страну к лучшему – со своего подъезда и своей улицы. Крепкое местное сообщество должно быть основано на любви к малой родине. А другая сторона любви – ответственность. Любим – значит несем ответственность. Мы сами можем открывать школы, строить дороги, возрождать свои деревни и города. Панихины, в один день сбежавшие из Москвы с десятью тысячами рублей в кармане, построили столярный бизнес с нуля, а дальше взялись за преобразование окружающей среды: с сотней местных и новых местных жителей начали восстанавливать старинные дома в центре Переславля – ради улучшения городской среды и сохранения провинциального культурного наследия. Собственными силами и на свои средства.

Есть такая очень мною любимая организация – Slow Food. Когда-то итальянская, а сейчас уже международная, она за-

щищает и поддерживает местных малых ремесленных производителей и фермеров. Всячески помогает сохранить и приумножить сельские и гастрономические традиции. В документах этой организации отсутствует слово «покупатели», их называют «сопроизводители». Ведь каждый день покупая еду, мы поддерживаем то или иное производство. Можем купить местный продукт и поддержать фермера в его желании сохранить вымирающий сорт растений или местную породу, вырастить овощи без пестицидов. А можем вложить деньги в то, что отравляет почву, уменьшает биоразнообразие и убивает маленький бизнес. Мы – сопроизводители. И те люди, которые здесь и сейчас строят свою собственную как-то иначе устроенную Россию, проявляют гражданскую позицию, непохожую на то, что от нас требует глобальный мир эффективности. «Сопроизводители», сограждане новой России строят будущее страны и уже в нем живут. Чем больше будет таких сограждан – тем быстрее мы все окажемся в России будущего, где хочется быть, жить и творить.

Мы придумали для этой футуристической и одновременно очень практической картины мира название «Россия 2062». «Россия 2062» – это все те люди, которые взяли на себя ответственность за жизнь маленького окружающего их мира. Мы с этими ребятами – уже сограждане России 2062.

2062 год наступит через сорок лет, а это нескоро, можно спокойно рассуждать о будущем и строить его, не смущая тех, кто мог бы заподозрить сограждан этой полусказочной

России в каких-то сиюминутных выгодах и амбициях.

Олег, в будущее возьмут не всех!

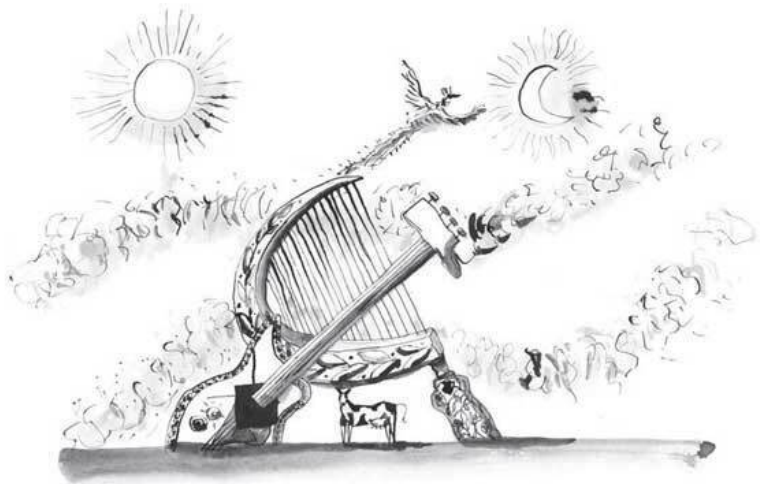
Глава 1. Культура будущего: преодоление расчеловечивания и сотворчество как основное свойство человека

– Что есть история, – спросили меня профессора.

– История, – ответил я, – есть описание борьбы добра и зла, введущейся руками человеков.

– Что же по-вашему можно считать историческим событием?

Я же, не умедлив ни на мгновение, сказал: «Таковым можно считать всякую победу одной силы над другой, поскольку соотношение сих побед и поражений определяет духовное состояние народа».
Евгений Водолазкин. Оправдание острова

Придумав проект России будущего, мы с самого начала решили, что это будущее будет таким, как хотелось бы именно нам. Это эгоистично, конечно, зато правда. Когда-то в журнале «Афиша» был такой слоган: «Как скажем, так и будет». И в проекте будущего для всей страны мы этим наглым слоганом и руководствуемся. И почти сразу мы, как бородатые Маркс и Энгельс (мы тоже бородатые), задумались о своем манифесте, только не партии, а русского позитивного и конструктивного будущего для всех. В общем, о том, как нам обустроить Россию и заодно весь мир. Звучит, конечно, до ужаса претенциозно и нагло, но вот такие мы наглые.

Мы писали-писали манифест, а потом все же решили, что

надо подождать, поднабраться ума-разума и пообщаться с экспертами – с теми, кто строит русское будущее здесь и сейчас... Так и родилась эта книга. Ее главы – тезисы о том, как нам обустроить Россию. В процессе работы мы разговаривали с делателями будущего и всякий раз вспоминали первые пункты проекта нашего манифеста и убеждались, что менять там нечего. Наши герои прямо-таки олицетворяют своей жизнью пункты с первого по третий:

«Роль человека в мире. Бог создал людей по образу и подобию своему. Каждый человек подобен Творцу и раскрывается как полноценный человек в активном земном творчестве. Мы не пешки в жизни, а сотворцы Бога»;

«Какова должна быть главная цель общественного устройства? Обеспечение максимально возможных условий творческой самореализации каждого человека и достижение счастья через активное сотворчество»;

«Важно сохранить человека как активного сотворца жизни в сплетении множества характеристик, идентичности, индивидуальных, социокультурных особенностей, сложившихся за сотни и даже тысячи лет. Традиционные культурно-социальные, национальные, половые, языковые и иные идентичности – это основа многообразия мира, залог возможности сохранить сложные ткани человеческого устройства, залог творческой самореализации, права на свободу быть тем, кто ты есть, иметь возможность гордиться тем, кто ты есть. Мы хотим жить в таком мире – в мире истинного традици-

онного разнообразия». Довольно длинно, пафосно, но, по моему, очень круто сказано, между прочим. Сам себя не похвалишь – никто не похвалит.

Олицетворять наш тезис о сотворчестве как главной цели человеческого бытия и необходимости остановить расчеловечивание будут два героя этой главы. Искусствовед Арсений Симатов когда-то ушел из Третьяковской галереи, чтобы заняться экстремальным искусствоведением, как он сам это называет. Он путешествует пешком и автостопом за искусством и в чистом поле или на берегу моря читает онлайн-лекции о памятниках архитектуры. Но не о «парфенонах и коллизеях», а о «деревенских храмах и избах».

Кроме того, он участник группы «Под облаками», фольклорно-философско-музыкального творческого объединения, и организатор фестиваля «Фолк-кемп» в Архангельской области, куда приезжают настоящие энтузиасты русского настоящего, не попсового фольклора.

Арсений считает, что в современном мире утрачивается внимание к красоте, он пытается это исправить. А мы в своем манифесте как раз говорим о том, что главный смысл жизни человека и человечества – быть сотворцами Богу, вносить гармонию во все проявления жизни и приумножать красоту.

Второй герой главы – Эдуард Бояков – театральный режиссер и продюсер, создатель театра «Практика» и фестиваля «Золотая маска». Человек, который на некоторое время вернул настоящую бурную и даже по-хорошему буйную

жизнь во МХАТ Горького.

Для нынешней России и для России 2062 важно, что Эдуард сумел соединить радикальные формы современного творческого поиска с традиционным содержанием русской культуры.

Мы не стесняемся разговоров о высоких материях и о самом важном – о смысле жизни, в частности творческой. Да что уж там, поговорим о Боге и о человеке.

Мы обсудим с Эдуардом важнейшую для русской культуры и искусства тему конца эпохи модерна и постмодерна и выхода в новую эпоху, в которой прекратится расчеловечивание и человек вновь обретет смысл.

Арсений Симатов

«Брейгеля давным-давно нет, но ты в XXI веке подходишь к его картине, и она отвечает на твои вопросы. Это что-то живое, самостоятельное, что может с тобой общаться через эпохи. Древние мастера зарождали своим творчеством новую жизнь. И я уверен, что эта способность человека напрямую связана с его религиозностью. Потому что, если для него Бога не существует, Он не источник красоты, не источник всего, не ориентир, у такого человека постепенно эта возможность вытравляется на генном уровне».

Искусствовед Арсений Симатов пешком и автостопом уже дважды пересек всю страну, дошел от Москвы до самых до окраин, читая онлайн-лекции в полях и лесах. Для нашего проекта будущего Арсений важен как автор идеи того, как исчезновение Бога из ежедневной повседневной жизни привело к деградации эстетической сферы.

Степанов: Вы удивительный человек: искусствовед, который пешком отправился от Москвы до Владивостока, читая лекции об искусстве. Зачем?

Симатов: Я много куда ходил, не только во Владивосток. К тому же не совсем пешком.

Акимов: Не совсем во Владивосток, не совсем пешком...

Еще скажите, не совсем искусствовед.

Симатов: Да, много «но». Начать с того, что путешествия мои – автостопные. Уже второй год езжу по России: сначала из Москвы добрался до Сахалина, потом два месяца колесил по Русскому Северу, а совсем недавно завершил свой большой, продолжительностью в сто десять дней, проект Москва – Владивосток. При чем здесь искусствоведение? Занимаюсь им много лет, еще со школы, а то и раньше. Помню, как в четыре года бегал в колготках по залам музея Востока, где всю жизнь работает моя мама. Получил соответствующее образование и сейчас занимаюсь проектом, который называется «Экстремальное искусствоведение». Еду автостопом по России и веду блог, в котором рассказываю об увиденных мною архитектурных красотах и просто о том, как люди живут.

По сути, мой проект – это попытка рассказать об искусстве нашей страны. Параллельно еще и этнографией занимаюсь. По ходу дела записываю каких-то бабушек, гармонистов, в староверские села захожу. Ведь идея «Экстремального искусствоведения» совершенно альтруистическая: я уверен, что мир наполнен красотой, именно она его главная описательная категория. Еще первые строки Библии, Пятикнижие Моисея об этом говорят: «И увидел Бог, что это хорошо». Мне кажется, в последнее время люди все меньше обращают внимание на эту сторону жизни, существуют, словно по налаженным рельсам идут, а созерцание становится для них очень сложным, трудозатратным процессом. И

мне от этого немножечко обидно, хочется что-то менять.

Степанов: Теперь красота – это какие-то конкурсы красавиц. А ведь на самом деле она в другом. Николай Федорович Федоров говорил, что задача человека – все Богом данное превратить в трудовое. Урожай, например, он за счет труда получен, еда – за счет труда, деторождение, воспитание... Вся жизнь через труд должна быть приведена к гармонии.

Акимов: Расскажите про эту самую трудовую красоту, которую вы встречаете в путешествиях.

Симатов: Они порой длятся по три-четыре месяца, и каждый день я вижу много интересного. В Сибири, например, сохранились памятники деревянной и храмовой архитектуры XVII–XVIII веков, которой я увлечен последние несколько лет. И конструктивизм советский обожаю, эти огромные новые города, строившиеся для новых людей, и рядовую застройку XIX века. Когда мы говорим о путешествиях за архитектурой, то сразу представляем себе какой-нибудь там Парфенон, соборы готические, египетские пирамиды. А меня очень интересует архитектура рядовая, зачастую создававшаяся без какого-либо проекта и способная очень многое рассказать о народе, в котором она появляется, о человеке, как о творческой единице, рождающей что-то новое. Безумно интересно осмысливать, как этот процесс в нас и в обществе в целом формируется, протекает.

Вот вы приезжаете в Петербург и идете в Зимний дворец. Пошли, посмотрели, да, Растрелли – гений! А я набираю,

насматриваю огромные километры архитектуры рядовой, на которую обычно никто внимания не обращает. Но на самом деле она очень качественная, принципиально отличается от того, что сейчас у нас строится. Когда смотришь на сохранившиеся в деревнях избы и храмы, понимаешь, в каком регионе как люди думали, как они себе мир представляли. Вот интересно, забор из профнастила – он что говорит? Я считаю, что в аду есть специальное место для двух персонажей: для того, кто придумал сайдинг, и для того, кто изобрел профнастил. С художественной точки зрения они меняют все. Когда дом обшивают сайдингом, во-первых, нарушаются пропорции, во-вторых, очень часто выкидываются наличники. Это беда. А если мы говорим про деревни Русского Севера, там еще раньше, в шестидесятых – восьмидесятых годах, когда шифер и листовое железо стали доступны, разбирали старые, серые тесовые крыши... Помните, ребенком сидите вы дома и слушаете, как барабанит по железу дождь... А как он прежде по доскам шуршал? Это же здорово! Так вот, когда снимали весь этот тес, снесли вместе с ним целую сложнейшую систему перекрытия здания. Все, что мы знаем из иллюстраций Билибина про Русский Север, – охлупни с конями, тесовые крыши, система водостоков, где каждая деталь обыгрывалась художественно, – всю эту красоту, к сожалению, поносили.

А в других регионах России одной из самых важных деталей крестьянского дома и всей усадьбы были ворота с ка-

литкой. Огромные, мощные двери, украшенные потрясающей резьбой, а иногда просто очень красивые сами по себе, по своим пропорциям. Ворота организовывали все пространство, проводили важную черту, отделявшую твой мир от внешнего, позиционировали тебя как хозяина. Потому что люди шли и смотрели, какие у тебя ворота.

Так было раньше и в маленьких русских городах, в Подмосковье. В детстве ездил с бабушкой, дедушкой и родителями в деревню под Зарайском, это юг Московской области, совершенно прекрасный город. Я постоянно там бываю и наблюдаю, как он за тридцать два года моей жизни меняется. В детстве идешь – ворота, ворота, ворота. А сейчас их сносят, убирают, меняют на профнастил... Лицо меняется у хозяина, трансформируются отношения между человеком и его пространством, между домом и человеком, как он к нему относится, что от него хочет получить. И очень важно, как он через это выстраивает свои отношения с обществом. Поставил, зараза такая, трехметровый забор у себя, ты же этим позиционируешь: «Ребят, вы все уроды, я вас видеть не желаю и не хочу, чтобы вы меня видели». Извиняюсь за столь резкие выражения, но, по сути, человек говорит миру: «Ты мне не нужен, я хочу от тебя отгородиться».

Степанов: Перелезут, обворуют, побьют.

Симатов: Ой, страх – это отдельная история. Путешествие автостопом – мощнейшее, подробнейшее социальное исследование о том, как люди относятся к окружающим. Вот

представьте: едете вы на машине в дождь, в снег или жару и стоит на обочине человек с поднятой рукой. Очень интересно следить за тем, кто останавливается, чего они от этой встречи ждут. Возможно, хотят поговорить, чтобы не заснуть, или получить от путешественника какую-то информацию. Я езжу автостопом очень давно, года с 2010-го, и наблюдаю, что в последнее время все очень сильно меняется. Все меньше и меньше берут. Кстати, в первое мое сахалинское путешествие, когда ковид только начинался, более-менее останавливались. А в последнем прям тяжело было. Когда вы проезжаете мимо человека, понимая, что на улице минус тридцать, ну, как-то... Городские жители никогда не останавливаются по пути на дачу. Самое плохое – оказаться в пятницу вечером на трассе под большим городом. Никто не возьмет. Под Москвой никто не берет.

Тут еще один важный момент. Вспоминаю свое московское детство: мы со старшим братом совершенно спокойно все время проводили во дворе, могли ходить по городу, ездить в школу. А сейчас родители своих детей чуть ли не до пятого класса одних не отпускают. Сами возят, водят за ручку, следят за ними...

Степанов: Это социальная дисгармония, на самом деле.

Симатов: Это страх! Люди боятся, они постепенно разделяются. Это все заборы. Дети, которые все меньше гуляют во дворах, потому что родители за них боятся.

Степанов: Кстати, ведь одна из популярных тем в СМИ

и повсюду – безопасность личная и общественная. Эта истерия безопасности началась же сравнительно недавно. Помню, в девяностые, когда учился в МГУ, при входе в первый Гуманитарный корпус никаких турникетов и охранников не было.

Симатов: Раньше можно было пролезть в МГУ на лекции, если ты хотел.

Степанов: А что пролезать-то, не было никаких пропусков. И это в бандитские девяностые, когда опасность была гораздо больше, чем сейчас!

Симатов: Сегодня ты никуда не попадешь, если у тебя нет пропуска. Даже в сельскую школу. В Пинежском районе деревня на семьдесят домов, школа на тридцать детей, и там сидит охранник, турникеты установлены. Я говорю: «Але, ребят! Ну кто здесь, кроме меня и медведя?»

Акимов: С медведем охранник не справится.

Степанов: Позитивная могла бы быть русская идентичность: «А у нас нет охранников вообще, у нас открытое пространство».

Акимов: Это задача на 2062 год – убрать всю охрану и заборы. Говорят, что в нашей стране около двух миллионов охранников. Это, по большому счету, такая форма социального разложения: взрослые мужчины могут, в принципе, ничего не делать, просто сидеть перед телевизором в форме. Не надо копать, что-то возить, таскать... А для нашей философии 2062 года, для русского будущего цель человека в

том, чтобы он занимался трудом и Божественным сотворчеством. Ты же по образу и подобию создан, Бог – Творец, значит, и ты тоже. Сущность человека выражается через творчество, через создание вокруг себя какой-то лучшей реальности. Охранник – это антитеза творчеству и, по сути, антитеза человечности. Прошу прощения у всех охранников, но это в каком-то смысле античеловек получается.

Симатов: Если подвести итог этой теме, которая для меня тоже важна, здесь вот еще какая история... В русских деревнях, особенно на Севере, сохранилась традиция не закрывать дверей. Просто палку приставил и пошел в магазин, это норма жизни. Сейчас, когда у каждого в кармане телефон, кому надо уже знают, где ты находишься, везде камеры, чего бояться-то? А ведь нет ощущения своей безопасности, возникает чувство страха и разделения. Это абсурд!

Акимов: Получается, мир победившего постмодерна как раз в том, что чем больше безопасность, тем сильнее ощущение опасности. У меня вот еще какой вопрос концептуальный. Вы много путешествуете, видите, как люди в России жили, все эти церкви прекрасные, дома со старинными заборами, резными воротами, наличниками. И как-то рассказывали, что на самом деле функциональность деревянного храма – она в каком-то небольшом пространстве находится, а все остальное, что видит человек, сделано для красоты. То есть очень много сил, творческой энергии тратилось на то, чтобы гармонизировать мир вокруг себя, делать его краси-

вым. А сейчас потомки тех людей берут и ломают старые ворота, наличники, ставят из профнастила что-то. И чаще всего это не переселенцы, которые как раз, наоборот, приезжая, восклицают: «О, слушайте, какие у вас красивые наличники! Я такие же себе хочу сделать» или «Сохраню наличники!». Те, кто здесь родились, живут, перестали видеть эту красоту, потеряли внутри себя эту творческую потенцию. Стали творческими импотентами.

Симатов: В моей картине мира тема творческой импотенции, а я именно так это и формулирую, занимает важное место. Ведь у меня за всем этим проектом стоит целая философия и о культуре, и об историческом процессе в искусстве. Представим себе русский деревянный северный храм. Он может быть очень высоким, до сорока метров, с огромным шатром. За много километров вы видите эту прекрасную стрелу. Вся конструкция шатра изнутри закрыта так называемым небом. То есть сам храм совсем небольшой и перекрыт сверху досками, расписанными изображениями архангелов и еще кого-то. А вот эта огромная конструкция, занимающая две трети, а то и четыре пятых всей высоты церкви, – просто шатер, который изнутри не увидишь. Он функционально никак не используется, там нет помещений, это просто тридцатиметровый набалдашник из прекрасного дерева. Понимаете, это сделано людьми только для красоты, по-другому объяснить сложно. Можно притягивать за уши, что это были, как пишут в литературе, какие-то ориентиры

на местности для кораблей, но все это выдумка, потому что, когда корабль идет по реке Онеге, которая двести метров шириной, маяк не нужен. Северные храмы зачастую строили крестьяне, из своей небогатой жизни выделяя время, деньги, затрачивая огромное количество сил на то, чтобы возвести этот шатер. Он им зачем-то был нужен.

Я по основному образованию художник-реставратор станковой живописи (это картины, иконы), шесть лет проработал в Третьяковке. И сколько рассказов, просто чудовищных, которые тебя поначалу просто разрывают на части! Один пример вам приведу. Ехал по Двине, остановился на два дня у замечательных людей, мужа с женой. И они мне рассказали, как у них в соседнем селе мужик про своего одноклассника рассказывал. Северная деревня, огромные дома, громадные с хранением сена повети. Из церкви с обвалившейся крышей старшее поколение вынесло иконы. Вся поветь (в северном доме это пространство размером с маленький спортзал) была ими забита. И вот этот его одноклассник запил. Леня ему было ходить за дровами, так он два года топил печь иконами. Я много таких историй слышал. Это одна из тысяч, понимаете? Люди не просто перестали видеть красоту, это уже на каком-то чудовищном уровне отсутствие понимания, что она такое, что такое святое вообще. Сайдинг – ерунда по сравнению с этой жутью.

Акимов: Вы же с этим сталкивались много раз. Были какие-то догадки, теории, что случилось, что произошло?

Симатов: Кто-то ищет ответ в советском времени, кто-то – в предсоветском. Мне кажется, процесс касается не только России, а всего человечества. Он очень долгий и древний. Можно, конечно, со мной поспорить, но, на мой взгляд, творческая потребность – это одна из богоподобных черт человека, то, что отличает нас от животного. Ведь говорится, что «создал по образу и подобию». Мы – творцы, можем создавать новые формы. Вот ты смотришь на картину Брейгеля и понимаешь, что перед тобой не просто интересная композиция, а целый мир, живущий по своим законам. Там свой ветер, свой запах, шорох одежды. Брейгеля давным-давно нет, но ты в XXI веке подходишь к его картине, и она отвечает на твои вопросы. Это что-то живое, самостоятельное, что может с тобой общаться через эпохи. Древние мастера зарождали своим творчеством новую жизнь. И я уверен, что эта способность человека напрямую связана с его религиозностью. Потому что, если для него Бога не существует, Он не источник красоты, не источник всего, не ориентир, у такого человека постепенно эта возможность вытравляется на генном уровне. Были страшные периоды в истории. Римская империя пала, дикие варвары перешли Рейн, все снесли, не оставив камня на камне. Но они принесли с собой новое искусство. Дикое, грубое, но живое. А варвары современности этого живого не приносят, они уничтожают.

Я реставратор и искусствовед, и для меня эти две дисциплины (кстати, сюда же можно отнести археологию и ис-

торию) – признаки больного общества. Тот факт, что миру нужны реставраторы, искусствоведы, археологи, свидетельствует о том, что с человечеством все очень плохо. В какой-то момент люди поняли, что им нужно сохранять, реставрировать старые картины, иконы. Потому что то, что им предлагается сегодня, не отвечает на их запрос, не питает душу, в отличие от полотен XV–XVII веков. Они не хотят покупать картины у современников. Лучше потратят деньги на древнейшее полотно, отреставрируют, повесят его у себя или в храм принесут. То же самое – искусствоведение. Это же безумие – изучать искусство. Искусство – это то, как ты живешь. Это все равно, что взять свою жену и описать ее с точки зрения психологии, чтобы понимать, как с ней выстраивать отношения.

Степанов: Ну, сейчас даже советуют: отведите жену к психологу и сами сходите.

Симатов: Я про то вам и говорю. Это свойство больного общества – изучать искусство и сохранять старое искусство.

Акимов: То есть если бы мы сохраняли творческую потенцию и богоподобность, создавали бы вокруг себя невиданный новый мир, то не задумывались бы о том, что есть старое и зачем нужно это беречь.

Симатов: Старое – это старое. Оно отработало, мне нужно новое. Для меня, как для реставратора, главный процесс – это раскрытие самого интересного. Допустим, художник XV века написал икону, покрыл олифой. Она за сто лет по-

темнела, ведь иконы черные не потому, что они грязные, закопченные, а потому, что олифа темная. Через сто лет священник берет эту икону и несет ее к художнику со словами: «Я тут ничего не вижу, надо что-то сделать». И художник в XVI веке поверху в своем стиле, своими красками, в своем понимании пишет тот же самый образ Спаса Нерукотворного. Покрывает олифой, а через сто лет он опять черный. А в XVII веке...

Акимов: Да, он не просит его снять, он просит создать что-то новое.

Степанов: Это, с одной стороны, верно подмечено. И, может быть, про искусствоведение я соглашусь. Но я очень уважаю Николая Федоровича Федорова, который считал, что мир должен быть как музей, а музей – это не место хранения, это место возрождения. И говорил, что все должны быть живы, все должно быть живо, когда бы оно ни происходило. Вот вы же сами про Брейгеля говорили, что это живой мир, живая вещь. Именно поэтому ее надо раскрыть, а не закрасить, не забыть ради нового.

Симатов: Если у тебя в жизни какой-то трудный момент, нет счастья, любви, ты начинаешь вспоминать влюбленности молодости. Ретроспектива, взгляд в прошлое возникает тогда, когда тебя не удовлетворяет реальность.

Степанов: В путешествиях вы много видели русской архитектуры, русского искусства. А можно ли выразить, есть что-то такое, что они несут в мир? Каждая культура – она

про что-то?

Симатов: Чем русская архитектура отличается от нерусской? Есть что-то русское в архитектуре или это абсурд? Я уверен, что есть. Безусловно, описать это очень сложно, настолько тонкие материи, на уровне чувств. Вот вы включаете какую-нибудь запись классической музыки, слышите: «Опана! А это русская музыка». Вы никогда Рахманинова с Шопеном не перепутаете. Одни и те же закорючки, одни и те же тона, звуковые волны той же частоты. Но Шопен – это Шопен, а Рахманинов – это русский. С архитектурой то же самое. Могу для еще большего усложнения процесса сказать: за последние десятилетия советской власти величайшие русские историки, археологи довольно-таки убедительно доказали, что всю белокаменную Владимирско-Суздальскую архитектуру, которая для нас самая-самая внутренняя, самая русская, при Юрии Долгоруком возводили артели из Польши. А при его сыновьях Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо самые прекрасные храмы – Покрова на Нерли (обложка учебника истории за пятый класс), Успенский собор во Владимире, чуть позже Георгиевский собор в Юрьеве-Польском – строили, скорее всего, выходцы из Северной Италии. Эти люди приходят в Россию и по заказу Юрия Долгорукого возводят Преображенский собор в Переславле, а до этого они занимались костелами. Да, храм Покрова на Нерли строят те люди, что и романские соборы в Северной Италии.

Акимов: Они приезжают сюда, питаются этой атмосферой и создают что-то русское.

Симатов: Это уму непостижимо! Люди из другой культуры приходят и создают совершенно русскую архитектуру. То же самое я скажу и про Растрелли. Ну, никак не русский человек, но это же русское барокко!

Наблюдаю развитие архитектуры, начиная от самых первых киевских памятников и заканчивая провинциальными церквями второй половины XVIII века, ведь там еще очень много каких-то архаических процессов, хотя это уже совершенно другой мир. Безумно интересно: в столице строят Растрелли и Трезини, а в это время, даже через пятьдесят лет после них, в провинции делаются совершенно архаичные вещи, мыслят категориями времен Алексея Михалыча, если не Ивана Васильевича Грозного.

Вот и наблюдаю, что могут русские сделать в архитектуре, а чего не могут. Например, храм крестово-купольный. Внутри четыре столба, между ними перекинута подпружные арки, это все византийская система, и посередине стоит барабан. Большой, светлый, красивый. Почти во всех древнерусских крестово-купольных храмах опоры квадратные либо крестообразные. По сути, огромные столбы, квадратные в сечении. Это русские храмы. Приезжает итальянец, строит Успенский собор, делая круглые столбы, потому что он не может раздробить пространство. Ведь квадратный столб моментально все делит на ячейки. Устанавливаешь круглые

столбы – у тебя сразу огромный зал появляется. Получается одно пространство, в котором есть столбы, а когда квадратные – много разных пространств. И, кстати, современники первых русских храмов X–XII веков, то, с чего, собственно, наши учились, – это так называемые храмы на четырех колонках. Огромный зал, в котором стоят четыре красивые колонны с капителями. Очень часто брали античные капители, из старых построек византийцев вставляли. Это зал. А русские берут и дробят.

Степанов: Дробят, как в иконе – миры. Я, когда попал в Кижи, сразу на это обратил внимание, а потом видел и в других больших северных домах. Как бы модульные дома под единой крышей. И эта модульность – еще и разновысокая. Ты даже не очень понимаешь, как оказываешься на другой высоте. Так в полэтажика поднимаешься, или на треть, и переходишь куда-то в другие пространства. И почему еще интересно в допетровские храмы приходить: в них весь мир изображен. Там будет Аристотель и Платон, сотворение мира, древнееврейская история, Зевс может быть...

Акимов: То есть русский мир в себя включал тогда все-ленскую историю.

Симатов: Сохранились описания первых английских дипломатов, приезжавших к нам при Иване Васильевиче Грозном. Они отмечают просто первоклассный, совершенно ренессансный двор монарха. Да, нам важно, что мы постоянно держим связь с Европой, и, кстати, вполне возможно, что

и с Азией. Если почитаем исследования по разным эпохам, очень грубо можно выделить три компании ученых: одни говорят, что все из Европы, другие утверждают, что все наше, третьи – что все из Азии. Я склоняюсь к мнению, что все-таки из Европы, потому что, действительно, первый взрыв архитектурный – это Византия, чистые греки. Второй мощный взрыв – белокаменное зодчество, это Северная Италия и Польша. Московская архитектура XV века, вполне возможно, тоже имеет балканское происхождение. Хотя многие об этом спорят. И все эти взрывы, и при Иване III, потом при Василии III, наши соборы кремлевские – это тоже обозначает момент пришествия специалистов и архитекторов из Европы.

Акимов: Самая главная особенность не в том, что приходит что-то из Европы, как, условно говоря, пришел «Макдональдс», точно такой же, как везде. Такое копирование, клонирование, да? Другое дело, когда что-то привносится отсюда и здесь входит в русскую почву, вырастает совершенно другое, не то, что росло в России до этого, но и не то, что пришло.

Симатов: Это безумно интересно, как итальянцы на русской почве строят русскую архитектуру.

Акимов: Да, ключевая особенность русского мира, может быть, именно в том, что эта питательная среда открыта для всех. Очень прозрачное безграничное пространство, куда приходят разные культурные влияния. Их тут доброже-

лательно встречают, обнимают, и вдруг получается, что из этого вырастает что-то совершенно новое. Какая-то глобальность русского мира, которая дает здесь произрасти огромному количеству явлений и постоянно ими питается.

Задам вам последний вопрос. Мы бы хотели сделать так, чтобы в нашей России будущего, России 2062 года, человек раскрылся во всей своей красоте. Взял бы все лучшее, что было, именно с точки зрения творческого потенциала. А как это сделать?

Симатов: Безусловно, надо анализировать и пропускать через себя древнее искусство. Пытаться понять, что люди делали, как жили, что у них получалось.

Степанов: И это необязательно памятники архитектуры, а традиции в любом доступном тебе виде.

Акимов: Вы сказали ключевую вещь: настоящее творчество было с человеком тогда, когда он себя ощущал сотворцом, Бог был частью его естественной жизни. Так что ответ, в общем-то, на поверхности. Надо Бога пустить в жизнь, и тогда мы сможем быть новыми творцами.

Симатов: Я не могу прямым текстом сказать: «Ребята, если вы не будете участвовать в Евхаристии, то все, туши свет!» Это один из путей, мне кажется: через искусство, через красоту приходит к Богу как к источнику всего.

Эдуард Бояков

«Человек – такое существо, которому доверено право творить. И мне кажется, что без радикального устремления к традициям и одновременного и не менее радикального творческого устремления вперед мы, конечно, „Россию 2062“ не построим».

Эдуард Бояков – театральный режиссер и продюсер, создатель театра «Практика» и фестиваля «Золотая маска». Человек, который на некоторое время вернул настоящую, бурную и даже по-хорошему буйную жизнь во МХАТ им. М. Горького. А самое главное, что нас интересует в нынешней России, и в России будущего, в России 2062, – это то, что Эдуард в какой-то момент сам стал на путь богоискательства, поиска традиций, почвы и, что самое главное, вернул эти ценности в современную актуальную культуру.

Акимов: Вы верите, что в будущем получится распрощаться с проектом модерна, постмодерна и в качестве культурного мейнстрима возникнет новый гуманитарный дискурс, в основе которого – желание человека идти к Богу?

Бояков: Это сложная задача. Да, я верю, надеюсь, готов трудиться и стараться. Но надо осознавать, что как минимум последние триста – четыреста лет европейской истории – это

история секулярного давления, ухода от Бога и религиозного дискурса, который был сутью культуры.

Разницы между религиозным сознанием и эстетическим видением не существовало до нового времени. Наступило новое время, наступило Просвещение. Вольтер воскликнул: «Раздавите гадину!» – имея в виду Церковь и религиозные институты. Мольер написал «Тартюфа». С тех пор история культуры в значительной степени состоит из отношений боготорческих, из отношений художника и традиции, которые начали воевать между собой. Художник заявил о себе как о безусловном, явном субъекте. Эта субъектность выражалась философией гуманизма – тем, что человек выше всего.

Я не считаю, что человек выше всего. Выше человека Бог. И некоторые социальные вещи, такие как семья, нация. Человечество, в конце концов, выше человека. Человек должен быть готов жертвовать собой ради Бога. Вообще-то это один из наших биологических инстинктов – готовность к жертве. И мать, которая бросается в огонь, действует инстинктивно, а не под воздействием прочитанных книжек. Как раз прочитанные книжки часто мешают героическим действиям. Стало быть, говорить о возвращении к Богу очень сложно. Таких примеров мало, но они есть.

В семидесятых годах в Иране случилась настоящая традиционалистская революция. До этого там было веселее, чем в Турции и Ливане – эти страны считались «культурными» местами, где в порядке вещей были легкие наркотики, досуг

с танцовщицами в клубах, гомосексуализм. И вдруг Запад и американцы слишком пережали, и глубинный народ восстал. Аятоллы ухватили эту тенденцию, и произошла революция. Например, сегодня в Иране нет даже алкоголя.

Акимов: Вы бывали в Иране?

Бояков: Нет, хотя не раз посещал Восток. Интересная ситуация сложилась в Восточной Африке: побережье исламизировано, в глубине континента преобладает Англиканская христианская церковь, а еще глубже – традиционный для тех мест культ вуду.

Сочетание этих энергий создает уникальный социальный фон. Но именно ислам в тех краях ближе всего к культурному дискурсу, с которого начался наш разговор. Это суффийский ислам, где сильна социальная солидарность. В местных сообществах нет бедных, потому что люди помогают друг другу и стараются создавать социальные лифты.

В Иране похожие тенденции, и там прекрасная современная архитектура, среда, сервис. Иран научился жить под беспрецедентными американскими санкциями, из-за которых страна не может экспортировать нефть. Казалось бы, для экономики страшная история! Как и в случае с Россией в наши дни, коллективный Запад рассчитывал, что в Иране начнется оранжевая революция. Ничего подобного! Люди поняли, что ипотеки, кредиты, наличие инвестиций не связаны с настоящим качеством их жизни и самосознания. Со счастьем, грубо говоря.

Я православный, но много размышлял об исламском консерватизме – и считаю, нам нужно учиться у Востока. Когда я оказался в Индии, в Гималаях, где ислам является второй по значению религией после индуизма, то увидел традиционалистское, здоровое во многих проявлениях общество.

Я люблю Индию – настолько, что двое моих детей родились высоко в Гималаях. При этом связывать мои поездки в эту страну с какими-то духовными запросами не стоит.

Если вы интересуетесь Индией, не довольствуйтесь посещением Агры, Тадж-Махала и прочих популярных достопримечательностей, а посетите штат Гуджарат – удивительное место, где живет около ста миллионов человек.

Помню, мы с женой по приглашению нашего близкого друга прилетели в город Алахабат в пятницу вечером. По пути из аэропорта смотрели по сторонам и испытывали невероятное ощущение от города: улицы заполнены молодежью, кругом веселье, движуха, все очень красиво. Невероятная архитектура, невероятные парки, культура которых, основанная на тысячелетней традиции любви ко всему живому, намного старше европейской.

Через какое-то время я понял, что здесь вообще нет алкоголя и всего того, что создает атмосферу Лондона. Сухой закон!

Я часто оказывался в Лондоне в пятницу вечером, например, на Lester Square, там находится мой любимый отель, в котором я обычно останавливаюсь. Это за пределами! А если

где-то недалеко, в Челси или в районе Кенсингтона, вдобавок идет футбольный матч, то вообще кошмар!

Акимов: Слишком много нетрезвых людей?

Бояков: Не то слово! Алкоголь создает атмосферу этого искусственного, больного праздника. Все пьяные, возбужденные, на нездоровом драйве: «Пятница, пятница, пятница!» Night fever – «ночная лихорадка», понимаете? Как режиссер и театральный человек, который занимается эстетикой, я вижу это и ужасаюсь.

Для меня ближе атмосфера религиозного праздника. Я бывал на самых больших фестивалях в мире, включая фестиваль воды «Кумбха Мела», где участвует до ста миллионов человек. Он проходит поочередно в одной из четырех священных точек – в городах на реке Ганг. Его участники испытывают неподдельное, ни с чем не сравнимое чувство религиозной радости. Мне очень нравится индийский фестиваль, но я не индус – не могу петь мантры и радоваться. У меня не получится. Мой язык, генетика, жесты сконструировались под воздействием русского православного культурного кода. У меня нет выбора, и слава Богу.

Акимов: Путешествуя по Азии, вы видели людей, которые живут современной жизнью, но при этом погружены в традиции, сплывающие общество. Вы настолько вдохновились увиденным, что, вернувшись домой, пришли к христианству?

Бояков: Это был один из факторов, которые привели к

воцерковлению. По роду деятельности я много наблюдаю за людьми, за семьями, за обществом и сообществами. И мне больно, что я русский. Мне очень больно из-за того, что мы, русские, лишили себя здорового отношения к семейным ценностям, к семейным праздникам и ритуалам, к памяти о предках.

Вся история Советского Союза – это история переселений. Кого-то репрессировали, кого-то отправили в ГУЛАГ, а кого-то – на комсомольскую стройку. Обычное дело, когда выпускник, к примеру, пензенского вуза ехал по распределению строить комбинат в Норильске.

С одной стороны, здорово – романтика. С другой – возможно, у тебя к этому времени есть жена и ребенок, ты берешь их на новое место. Но ты не можешь взять с собой бабушку, тетю, двоюродную сестру, а ведь именно они создают такое пространство, семейное лоно, которое и есть материальная, живая, корневая культура. Потому что ребенка воспитывают не только мама с папой, а еще и старшие двоюродные братья, тетя, с которой можно посекретничать. Существуют вещи, которые у папы сложнее узнать, чем у бабушки или у дяди. При таком устройстве семьи ребенок оказывается в правильном и комфортном социальном пространстве.

В традиционных обществах жизнь устроена именно таким образом. Вот этого переворота и культурной революции я, безусловно, хочу. И речь не об искусстве, хотя театр, музыка, живопись, кинематограф и отражают социальные процессы,

о которых мы говорим.

Акимов: Вы можете масштабировать собственный опыт духовного преображения и сделать из этого систему, которая изменит страну, или ваш опыт сугубо индивидуален?

Бояков: И да и нет. Путь каждого человека, национальности, города, страны, культуры и эпохи уникален. В то же время в своей деятельности я учитываю эти уникальные примеры – мне интересно о них рассказывать, сравнивать с ними мой путь. Я ведь многого был лишен – мое детство прошло в обычной советской семье, где не было места истинной вере. Мой друг Николай Бреев, создатель прекрасного издательства «Никея», женат на Дарье Бреевой, дочери моего духовного отца. Колин отец – великий пастырь, духовник московского духовенства Георгий Бреев, недавно ушедший из жизни. И вот Коля с Дашей сидят у нас в гостях и говорят: «Это так сложно, когда ты родился в семье священника». А мы с Людмилой, моей женой, думаем: «Нам бы, ребята, ваши проблемы».

Степанов: В семидесятые – восьмидесятые годы большинство культурных людей, получивших образование в Советском Союзе, были убеждены, что западные ценности – это истинные ценности. Что в экономике существует невидимая рука рынка. А общество должно быть устроено определенным образом – как конкуренция между политическими партиями. Вы тоже разделяли эти убеждения и в девяностые годы были либералом?

Бояков: В девяностые я уже изживал свой либеральный генезис. А в восьмидесятые, когда я поступил в университет и впервые ощутил себя взрослым, – конечно, из меня это просто перло.

Возвращаясь к вопросу о том, могу ли я свой личный опыт воцерковления экстраполировать на страну, – не знаю. Не существует таких методик. Если мы начнем отправлять русских людей в Индию, боюсь, они не воцерквятся, а, наоборот, начнут петь «Харе Кришна». А если говорить об излечении от либерализма и почитания Запада, то это очень интересно, на эту важнейшую тему можно поговорить.

Сегодня мы находимся в состоянии войны с Западом. Мы сражаемся не с соседним государством, а с цивилизационной системой. Это настоящая война – гибридная, образная, ценностная. Это война за многополярный мир, за право быть собой. Не разбираться в ее истоках, в технологиях ведения этой войны и в технологиях определения врагов – значит проиграть битву за суверенитет. Мы внутри войны за право России быть Россией.

Раз уж мы начали говорить про семидесятые-восьмидесятые – конечно, это была культурная война. Советский Союз распался не из-за изменившихся цен на нефть и не из-за того, что какие-то шпионы подвели Раису Горбачеву к тому, чтобы под ее воздействием президент развалил Союз. И не из-за того, что Запад влиял на Ельцина. Да, эти персоны сыграли свою роль, но она была не определяющей. Страну

развалили джинсы, кока-кола, пиво в банках, жвачка и рок-музыка.

Степанов: «Мерседес».

Бояков: «Мерседесы» – разве что на уровне дизайна. Русские моторы неплохо работают.

Акимов: Джинсы?

Бояков: Соглашусь: с джинсами как с символом западной культуры – беда. И, кстати, она продолжается по сей день. Это наше самое слабое место.

У нас существует убеждение, что главное – экономика, жилье, продовольствие, военная мощь, международная политика, причем каждой сфере соответствует свой суверенитет. Все эти суверенитеты у нас есть, но нет суверенитета символического, семиотического, культурного. Мы бесконечно слушаем западные мелодии. Даже когда песня исполняется на русском языке, ее строй, образ, структура – западные. Мы воспроизводим в фильмах про Великую Отечественную войну чуждые стереотипы: герои словно из голливудских фильмов, у них соответствующие голливудским стандартам поведенческие паттерны.

Америка – великая нация, и Голливуд – великая культура, никто не спорит. Западный протестантизм – потрясающий культурный феномен, создавший атлантическую цивилизацию, понастроившую корабли и захватившую весь мир. Но мы не морская цивилизация – мы цивилизация реки, ландшафта, бесконечной земли невероятной красоты. И этой

красоте соответствует наша музыка, наш исконный русский сценарий, который выражен в каких-то корневых вещах. Мы просто его потеряли, и с этим надо разбираться.

Степанов: У советских историков были исследования про города допетровской эпохи – про так называемый русский ландшафтный живописный город. Они отмечали, что одной из особенностей более чем двухсот пятидесяти городов, построенных в XVII веке, было то, что они обязательно располагались вдоль рек. А дороги были не важны.

Бояков: Так реки и были дорогами... Не просто вдоль рек, а в устье, с Кремлем на стрелке. Как стоит Москва? С одной стороны Яуза впадает в Москву-реку. С другой была Неглинка – она впадала там, где стоит храм Христа Спасителя. Представьте: невероятный холм, с двух сторон – две реки, а третья делает петлю с островом, образуя Замоскворечье. Как же это красиво! Русский народный православный фэншуй.

Степанов: Эти города были названы историками ландшафтными, потому что у них было совершенно другое по сравнению с европейскими поселениями устройство. Европейский город – это такое выровненное пространство, отделенное стеной. Русский живописный город всегда распланный, вписанный в ландшафт.

Бояков: И в этом городе неизбежно возникает другая музыка, другая сказка. Просто другая линия: ты не утыкаешься в тротуар или в каменный дворец, даже очень красивый,

а всегда находишься в диалоге с небом, облаками, очередным холмом, за которым открывается другой холм. И попадаешь в абсолютно медитативное пространство русского путешествия – когда едешь, например, по Ополю, из Владимира в Переславль.

Этот ландшафт – самое волшебное, что я видел в жизни. Я не променяю его ни на какие Гималаи, прелести Тибета, африканские и латиноамериканские картинки. На это чудо отзываются вся душа, сердце, кровь, кожа.

Вижу, что к моему восприятию подключаются дети. Мы с женой действуем на них своими восторгами, остановками и фотографированием пейзажей, церквушек, стоящих иногда близко, иногда вдалеке. Они начинают понимать и чувствовать родное пространство. И тогда я начинаю верить в Россию и надеяться, что мои дети, которые выросли в доме, где есть икона и молитва за столом, моленная комната, ночной пасхальный праздник и следующая за ним светлая Пасхальная неделя, удержат в себе эту Россию и уже никогда ее не потеряют. И не совершат тех ошибок, которые в жизни сделал я.

Степанов: Недавно я читал исследование крестьянской общины Чаянова. Он выстраивает непривычную для современного человека логику: говорит, что крестьянин ценил жизнь медленную, медитативную и не был готов отказаться от такого уклада ради определенного дохода. Чаянов на статистических исследованиях показывает и доказывает, как

выработка крестьянина зависела от количества едоков в семье. Когда у него едоков в два раза больше, чем трудящихся, он готов упираться, брать в аренду поля, отдавая труду огромное количество времени, чтобы накормить семью. Но как только (и статистические данные это подтверждают) количество едоков уменьшается – дети вырастают, образуют свои семьи, – он тут же снижает выработку. А ведь современная экономика и вообще наша жизнь построены на том, что мы постоянно должны что-то улучшать, увеличивать потребление.

Бояков: Это и есть свойство атлантического сознания. Мне не хочется раздувать противостояние, но это факт. Мы другие, мы – цивилизация, не нация, не культура. Мы – цивилизация Хартленда, цивилизация земли, цивилизация реки, цивилизация озера. И с этим связана наша упругость, совершенно отличающаяся от атлантического и средиземноморского паттерна – у нас нет такого настроя на захват. Те культуры живут на морском побережье, для них горизонт – это горизонт моря. Наш горизонт – тот, о котором мы говорили: это горизонт полей, рек, идущих и не впадающих в море.

Мы выросли и сформировались вокруг Волги, начиная с Приполярного Урала, где находятся истоки Камы, Вишеры, которые потом текут-текут-текут. На границе Тверской и Смоленской областей начинается Днепр. Истоки Днепра, Днестра и Волги очень близко расположены – буквально в

десятках километров. Представляете, сколько городов находится во внутреннем Волжском бассейне? Так что матерью русских городов является не Киев, а Волга. Все дороги, а дороги – это реки, ведут в нее: Ока, Кама, Вишера, Москва. И на этих реках строились русские города – их уже в XII веке было под сотню, и все они существовали в ландшафтном коде, о котором вы говорите. А Волга, вбирая в себя эту колоссальную энергетику, впадает в самое большое озеро на Земле – Каспий. Не в океан – в озеро! Не говоря о том, как именно она впадает.

Я был в устье Волги: течет огромная, мощная река и вдруг разбивается на десятки рукавов, которые затем вливаются в Каспий. В этих каналах живут фламинго, осетры – чего только нет. Просто сказка, «Король Лев», понимаете? Помню ощущение, когда я оказался на плато Найроби, где происходит действие мультфильма. Я был в нечеловеческом восторге от обилия живности. Но когда я оказался южнее Астрахани, в устье Волги, то был потрясен.

К моему огромному сожалению, большинство из нас не знает самых невероятных мест у себя на родине, в России. А ведь под влиянием этой красоты, этих расстояний, этого ландшафта и сложилось наше русское православное сознание, наша культура.

Акимов: Я хотел бы повернуться от Волги к русскому будущему – все-таки у нас практическая утопия, как мы иногда называем наш проект «Россия 2062». Вы до христиан-

ского преобразования занимались театром, современным искусством. Когда преобразование произошло, вы продолжили заниматься любимым делом, но внесли в него совершенно новое смысловое насыщение. Раз вам это удалось в профессиональном плане, возможно, у вас есть формула, как в будущем с помощью такого преобразования можно насытить новым смыслом сферу культуры и искусства?

Бояков: Формула есть. Может, кому-то она покажется банальной, но ничего подобного – она очень актуальна. Она заключается в том, что мы обязаны стать консервативной, традиционалистской культурой, которая дорожит прошлым, изучает его, растет из него, осознает, что в каждом из нас «я – это мой прапрапрадед». Символически, генетически-биологически, микроскопически, психологически, как угодно, я – это мои предки. Мертвые живы, смерти нет. Если я говорю, что я православный человек, то я должен развивать свою логику и утверждать, что смерти нет. Эти бабушки и дедушки, со всеми ужасами, со всеми убийствами и преступлениями, которые они нас совершали, со всеми абортами, которые они понаделали, со всеми грехами, – они во мне, и я несусь за это ответственность. И мои дети будут нести ответственность за мои грехи тоже.

Мыслить культуру нужно так, но не ограничиваться прошлым. Если мы поставим здесь точку, если я не скажу «но» и не пообещаю продолжение для моей формулы, мы превратимся в квасных патриотов, которые говорят «только на-

зад», «все уже было», «Достоевский – великий писатель, а Чехов – великий драматург». Я постоянно слышу: «Неужели в наши дни есть хорошие писатели и драматурги?» Ребята, Чехов как драматург обладал невероятным радикализмом по отношению к тому времени, в котором он жил. Он намного радикальнее группы «Pussy Riot» или Гельмана. Он творил современное искусство, он смотрел вперед, сохраняя верность традициям, консерватизму как идеологии и свою присягу предкам.

Я должен пообещать своим предкам, что не буду обезьяной, которая их копирует. Я должен пообещать своим предкам и Всевышнему творить, развивать, строить еще двести пятьдесят городов, как после XVII века, ставить еще двадцать спектаклей, еще пятнадцать-двадцать пьес... Я должен жить в устремлении к будущему. Я должен быть сталкером, который исследует территорию. Я должен быть завоевателем, я должен прирастать. И если земли русские кончились – мы дошли до всех океанов, – то еще есть символическая земля, территория, открытая для творчества, изучения и культивации.

Моя формула заключается, с одной стороны, в соединении радикальнейших, современных технологий и устремлений. И с другой – в уважении и знании традиций. Человек – такое существо, которому доверено право творить. И мне кажется, что без радикального устремления к традициям и одновременного и не менее радикального творческого устрем-

ления вперед мы, конечно, Россию 2062 не построим.

Вихрь истории, или Как рождается возможность конструировать будущее

Письмо Бориса Олегу

Олег, дорогой, привет!

Блинкен, госсекретарь США, заявил на днях, что мы вернулись в вихрь истории. Это очень мудрое замечание. И это очень глупое замечание. Да, понимаю, что он воспитан на теории «о конце истории» Фукуямы. Теории несостоятельной и несостоявшейся.

Мы, конечно, не выходили из вихря истории, а были в нем после изгнания из Рая и будем всегда, пока апокалипсис окончательно не покончит с человеческой стихией.

Само выражение «вихрь истории» очень верное. Каждое «здесь и сейчас» – эпицентр этого вихря. События нашей истории – и тысячелетней, и столетней, и прочей давности – закручены в этом самом «здесь и сейчас». Каждое мгновение – результат и одновременно неотъемлемая часть. Здесь нет разрывов, нет пустот – все и вся связано единой нитью истории и выливается в поток актуальных событий, которые завтра, через месяц, через год становятся историей. Можно представить себе этот вихрь как неразрывный поток про-

шлого, настоящего и будущего. Вихрь времени.

Разобравшись с прошлым, можно понять настоящее и собственными силами менять часть потоков этого вихря, перенаправляя их в нужную сторону. Только так мы можем изменить будущее, системно и разумно на него влиять.

Глава 2. Экономика заботы.

Попечители вместо инвесторов

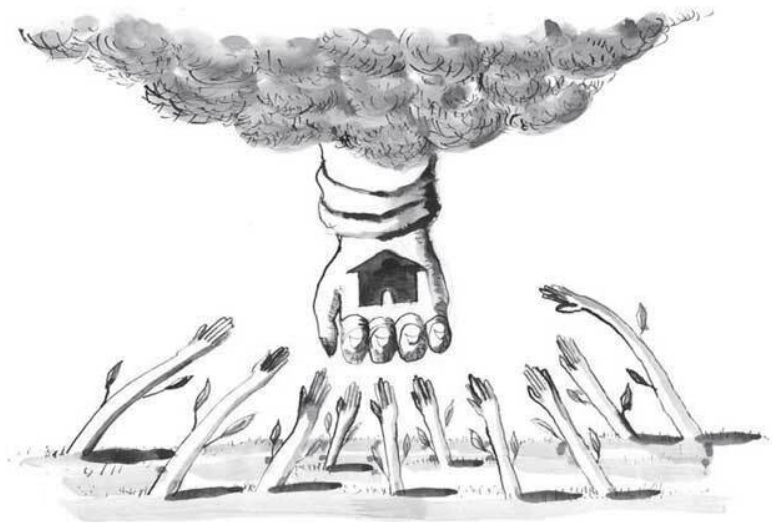
Хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм... стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью... превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы.

С. Н. Булгаков. Философия хозяйства

Формализованные рассуждения имеют к экономической реальности такое же отношение, как второе начало термодинамики к объяснению эволюции живой природы. Теория рыночного равновесия, по сути, является воспроизведением этого подхода по отношению к экономике. ...Для физиков – это хаотическое движение элементов системы, энергетика которой в целом не меняется. Для экономистов – это игра рыночных сил с нулевой суммой, которая уравнивает выигрыши одних и проигрыши других

агентов, принуждая их к бесконечному движению вокруг точки равновесия. Удивительно, что адепты неоклассической парадигмы не замечают абсурдность своих интерпретаций экономической реальности, которая, в отличие от физических систем, состоит из живых людей и создаваемых ими предприятий, которые в кооперации между собой производят все более сложные продукты, постоянно наращивая объем потребляемой энергии. ...Игра рыночных сил, в противоположность тепловому обмену в механическом сосуде, ведет не к точке равновесия с нулевой суммой, а к усложнению системы и росту потребляемой ею энергии во взаимодействии с окружающей средой, все более отдаляя ее от точки равновесия.

С. Ю. Глазьев. Экономика будущего. Есть ли у России шанс?

Экономика бесконечного потребления разрушает планету и самого человека. Глобалистский мир говорит нам: чем больше универсальных потребителей на планете – тем лучше, ведь потребление – это основа экономики, роста благосостояния, роста ВВП. Нам это не нравится. Мы хотим это изменить.

И мы видим, как в сегодняшней России проявляются образы будущей экономики. Мы назвали ее экономикой заботы. В ее основе совсем другие принципы и цели – не рост спекулятивного капитала и потребления, а рост других видов капитала – социального и человеческого, рост потре-

ния экосистемных услуг, творческая и деятельная гармонизация окружающего мира. Мы постараемся объяснить и показать, что это такое, в разговорах с нашими героями.

В традиционной капиталистической логике экономическая деятельность приносит счастье только в тот момент, когда ее субъекты видят, что на вложенные капиталы они получили 18, или 34, или 56 процентов прибыли. Чем больше процент – тем больше радости от инвестиции. Но такое финансовое счастье сиюминутно, уже завтра окажется, что этого мало, ведь капитал не терпит покоя, его надо постоянно приумножать.

Экономика заботы устроена совсем по-другому. Главным становится не эффективность инвестиций, а комплексные многовекторные цели экономической деятельности, которая должна преобразовать непосредственно окружающий тебя мир, жизнь твоей семьи, твоей деревни, твоего города. Возникающая экономическая реальность уже описывается современной наукой: индексами развития социального и человеческого капитала, экосистемных услуг и социокультурного ландшафта.

В этой главе мы поговорили с двумя женщинами. Обе они уехали из большого города и открыли свой бизнес. У обеих во главу угла поставлены нетрадиционные для капиталистического мира цели. Оксана Осинина и Ольга Стрижибикова являют новый образ предпринимателей, для которых основной движущей силой является не извлечение прибыли, а от-

ветственность, воля и творчество, привнесение гармонии в окружающий мир. И не в некий общечеловеческий глобальный мир, а в тот, что видно из окна, мир на расстоянии вытянутой руки. Твои соседи, двор, район, город, лес, река – вот твоя ответственность. Если ты живешь и работаешь на этой земле, делаешь дело – ты ценишь ее и заботишься о ней, а не только о росте прибыли и спекулятивного капитала. Это и есть устойчивое развитие – не беспокойство об абстрактном глобальном потеплении, углеродном следе и снижении уровня бедности вообще, а забота о том, что непосредственно меня окружает – забота о моей земле и моих соседях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.